

Культ России и ее капища

Как политическая религия и православизм формируют новый идеологический ландшафт страны — со своими символами, ритуалами и наказаниями

Фото: Алексей Танюшин / Коммерсантъ

07:51, 28 августа 2025,

Александр Солдатов

обозреватель «Новой газеты»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Современная мифология до неузнаваемости изменила идеологический ландшафт России. В стране утвердилась политическая религия, основанная на милитарном культе. Неуважение к ее святыням карается жестче, чем оскорбление чувств «классических» верующих...

Гражданская религия как лекарство

Священная ревность, с которой власть оберегает, а народ почитает свои святыни — Вечный огонь, воинские монументы, георгиевские ленточки, флаг и герб, портреты Путина, — заставляет признать: Россия вновь стала религиозной. Но не в христианском или исламском смысле. В стране господствует религия, которую Жан-Жак Руссо назвал «гражданской». Она периодически впрыскивает в народное тело тот самый «опиум» — если тело начинает испытывать боль. Во времена французских просветителей он воспринимался не как наркотик, а как лекарство.

Теоретик «общественного договора» был уверен, что государство не выживет без религии, которая сплачивает общество в единую общину и дает легитимность власти. Но гражданская религия, по Руссо, не подразумевает веры в Бога или личного спасения души. Ее главная святыня — государство, а заповеди — повинности (долг) гражданина перед властью. Классическая церковь если и сохраняется в рамках такой религии, то лишь как вспомогательный инструмент убеждения и принуждения. Ну точно как ныне РПЦ.

Примерно сто лет назад учение Руссо развил основатель французской социологической школы Эмиль Дюркгейм. По его определению, религия — «единая система верований и практик, относящихся к священным, то есть к отделенным, запретным, вещам, объединяющих в одно нравственное сообщество».

Вера в «великую страну», в непогрешимость Лидера, коллективное поклонение национальным святыням и впитывание пропаганды соответствуют определению Дюркгейма.

Гражданская религия нужна, чтобы сцементировать социальные связи и утвердить границы между «своим» и «чужим», что равносильно «истинному» и «ложному».

Идеологи гражданской религии и их вспомогательный аппарат всюду расставляют «символических пограничников»: знаки и запреты, ограждающие священное. Например, георгиевская ленточка позволяет безошибочно отделять «своих» от «чужих», а заодно служит оберегом от западной и либеральной «нечистоты».

В центре вероучения гражданской религии — мифологическое прошлое государства, которое показывает и доказывает его несокрушимость и сакральность. «Правильная история» — священное писание новой религии, на нем строится «политика памяти», запечатленная в новых учебниках по истории, обширной киноvideопродукции, ритуалах общенародного празднования исторических дат.

Фото: Сергей Савостьянов / ТАСС

Политическая религия как наказание

Обобщая трагический опыт XX века, социологи и религиоведы выделили из круга гражданских религий наиболее жесткие — политические. По **словам** итальянского ученого Эмилио Джентиле, обычная гражданская религия допускает плюрализм, свободные выборы и сменяемость власти. А политическая религия усматривает божественное начало как раз в несменяемости власти, ее неземном происхождении, которое не оставляет гражданину выбора, кроме как покориться и во всем исполнять волю правителя, ставшего богом.

Французский философ Раймон Арон относил к политическим религиям и коммунизм, особенно в радикальных формах — сталинизма и маоизма. Их нетерпимость к традиционной религии обусловлена именно тем, что они сами были религиями, причем неофитскими, пассионарными, не

допускающими намека на инакомыслие.

Зарождение политической религии невозможно представить в западном обществе, имеющем обширный опыт секуляризации, «расцерковления». Напротив, такая религия легко приживается на Востоке, в обществах, где такого опыта нет.

Очевидно, к ним относится и российское, впадавшее из одного вида идеократии (православно-монархического) в другой (коммунистический). Попытки либерализации и эмансипации в России были крайне непродолжительными, неустойчивыми — их не хватило, чтобы общество успело оценить вкус свободы.

Политический орган РПЦ — Всемирный русский народный собор (ВРНС) — довольно откровенно [постулирует](#) политическую религию позднего путинизма, религию без Бога. Как говорится в «Наказе» собора, принятом в марте прошлого года, новыми «высшей ценностью и смыслом жизни» являются русская цивилизация и русская культура. До появления русских жизнь не имела смысла.

Понять очертания политических религий помогают современные исламистские режимы, особенно иранский. Философ Фрэнсис Фукуяма считал, что исламский фундаментализм близкородственен политической религии, а религиозная терминология в нем — лишь внешняя оболочка. Чтобы отличать такие режимы от классической религии, в науке принято использовать суффикс «-изм»: например, исламизм. Следуя этой логике, учение ВРНС, отражающее идеологию Кремля, будет резонно назвать «православизмом»: используя лишь внешнюю атрибутику православия, оно

полностью подменяет догматику. Современную политическую религию России (ПРР) нельзя считать возрождением традиции — например, православной. Это не теократия, а идеократия, продвигающая альтернативный западному проект глобализации — с хорошо узнаваемыми тоталитарными чертами.

Вызов смерти

Культ павших героев эпохи СССР подготовил матрицу для главного культа нынешней политической религии РФ. Эта матрица обращена к христианским моделям и архетипам и, конечно, тема смерти для нее **приоритетна**. Христианский «проект» апостол Павел видел в том, что «последний враг упразднится — смерть» (1 Кор. 15:26). Коммунистическая религия «отменила» христианский взгляд на личное бессмертие души, но ее не перестала волновать проблема смерти. Первое поколение русских коммунистов-«богостроителей» отчасти решало ее в духе русского космизма — философии Николая Федорова и Владимира Вернадского о победе над смертью средствами научно-технического прогресса. Большевик-утопист Александр Богданов разрабатывал учение о классовой победе над смертью за счет растворения индивидуума в коллективе, который при коммунизме станет бессмертным Абсолютом. Смерть представлялась ему «пережитком классового общества», индивидуализма, а торжество коллективизма, коммуны, упраздняя автономию личности, просто снимет эту проблему с обсуждения.

Фото: Виктор Кортаев / Коммерсантъ

Оккультные искания современной российской элиты, обогащенные тайным знанием шаманов и проектами цифровых метавселенных, в общем-то, движутся в ту же сторону. «Новая» **рассказывала**, как целый ряд научных проектов, щедро финансируемых Кремлем, в частности — Курчатовский институт во главе с Михаилом Ковальчуком, ищут формулу бессмертия. Диапазон поисков простирается от банального продления биологического существования до вычурных идей переселения в ноосферу, преобразования биологической личности в цифровую. Поскольку «прозападная» позитивистская наука стояла на пути всей этой метафизики, президиум РАН фактически тихо упразднил комиссию по борьбе с лженаукой и фальсификацией научного знания, созданную в 1990-е. Новой религии нужна принципиально новая «наука», а старой **выносит** нещадный приговор главный философ Кремля Александр Дугин: «Настоящих ученых уже давно нет», представители академических школ «пронизаны

жестко диктатурой либерализма».

Культ жертв революции и Отечественной войны, подобно нынешнему культу СВО, играл роль социального лифта, возносящего люмпенов во святых, обладающих социальным бессмертием. Как при СССР, так и сейчас, сам язык, на котором описывается их подвиг, воспроизводит христианские прототипы. Сборник «Красная Голгофа» (1920 год) так воспевал революционеров, павших в борьбе: «Они в светлых пасхальных одеждах, с прекрасными одухотворенными лицами, разделяют с нами великую радость... Они умирали, уходя в таинственную бесконечную Нирвану... Души апостолов грядущего царства равенства, братства, свободы пусть дадут бодрость и силы, пусть отечески благословят нас на новую жизнь». Их могилы (типа действующего донныне некрополя у Кремлевской стены) стали местом паломничеств, шествия с их изображениями — крестными ходами, а дни их памяти — новыми религиозными праздниками.

Центральное место в коммунистическом пантеоне занимал, конечно, Ленин, который удостоился особого святилища в сакральном центре страны и рукотворно-нетленных мощей. Лев Каменев **воспевал** его как мученика, принесшего «искупительную жертву», обратившего свои кровь и мозг в «семя» будущего освобождения человечества. Хранением и изучением мозга Ленина занимался целый институт, вдохновлявшийся, помимо прочего, «богостроительскими» идеями в духе Федорова о воскрешении великих людей силами будущих поколений коммунистов, которые решат проблему смерти.

Двуединный бог Великой Победы

«Победа в Великой Отечественной войне должна быть приравнена к сотворению Адама... пришествию на землю Христа», — писал еще один пророк ПРР, герой труда РФ и лидер

движения «Русская мечта» Александр Проханов. Культ Великой Победы и вытекающий из него догмат о непобедимости русского народа — стержень этой религии. В этом контексте становится понятна сакрализация образа Сталина, который еще недавно был под запретом, а сегодня «заново открыт» не только как «главнокомандующий Победы», но и как русский мессия, который «принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Переосмысление образа ведет к оправданию репрессий, превращающихся из величайшего преступления в знак его божественного всемогущества.

Маршалы победы в рамках этого культа становятся апостолами, предводитель которых — маршал Жуков, полководец, не считавшийся с потерями солдат. Канонизация в РПЦ адмирала Ушакова (уже состоявшаяся) и генералиссимуса Суворова (готовящаяся) — путь к канонизации советских военачальников и к более решительному «воцерковлению» образа Сталина.

Фото: Анатолий Жданов / Коммерсантъ

Если продолжить христианские аналогии, становится ясно, что русскому народу в этой религии отводится роль жертвы, которая положена на алтарь Победы ради очищения мира от проклятия фашизма. Поэтому народы, не признающие за русскими особую роль и их духовное лидерство, признаются богоборческими и достойными наказания. Более того, все чаще эти народы объявляются не принадлежащими к человеческой природе, «недочеловеками». Теоретики ПРР облачают это учение в «биологические» формы — так же как делали самые жуткие режимы прошлого: Владимир Мединский утверждает, что у русского народа есть дополнительная хромосома, а Александр Дугин — что русские произошли от кроманьонцев, тогда как западные «демонолюди» — от неандертальцев.

ВРНС объявил русский народ Удерживающим мировое зло, признал за ним божественное достоинство, что подразумевает и особые, абсолютные полномочия. Народ-Удерживающий

персонифицирован в своем лидере-мессии: когда-то им был Сталин, а теперь Путин, который, если послушать телевизор, не менее решительно борется с фашизмом и нацизмом, чем его предшественник.

Историческая грань между Великой Отечественной войной и СВО стирается, военная операция в Украине провозглашается продолжением и завершением Великой Отечественной, а Великая Победа переносится из прошлого в будущее.

Более того, СВО гораздо «мистичнее», чем Великая Отечественная (обилие мистики тут отчасти затмевает неудобные вопросы, которые могут возникнуть в головах граждан). «СВО — это война неба против ада», — провозглашает Дугин с трибуны ВРНС, и вслед за ним этот лозунг подхватывает патриарх Кирилл. Великая Победа, соединяющая прошлое и будущее, — истинное божество политической религии РФ.

Хотя политическая религия жестко защищает свои догматы и святыни, карая кощунников и еретиков, ознакомиться с полным перечнем ее догматов и обрядов невозможно — тут важна интуиция. Участие в культе Великой Победы делает невозможным объективное изучение истории Второй мировой: любая профанация сакрального мифа, выявление в нем противоречий отдает кощунством. Законопослушный русский историк эпохи СВО исследует миф о войне, но ни в коем случае — не саму войну.

Размытость культа гармонирует с общей неопределенностью правоприменительной практики в России эпохи СВО, когда жертвами репрессий периодически становятся совершенно

«рандомные» люди. Существует довольно узкий перечень «заведомо наказуемых» форм осквернения святынь этой религии — от тушения Вечного огня до разрушения инсталляций с буквой Z. Но за пределами этого перечня можно пострадать за что угодно: от неаккуратного слова в частном разговоре до просмотра неправильного телеграм-канала в метро. Эта религия переживает этап формации, она еще не заостенела в своих догмах, но абсолютно нетерпима к еретикам и сомневающимся.

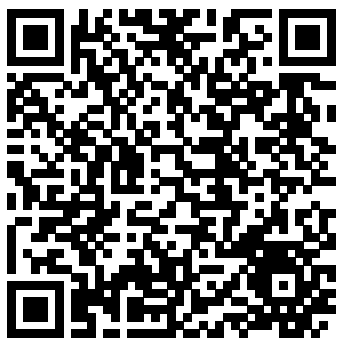
Коль скоро стержень политической религии — Великая Победа, а центральное событие — двуединая ВОВ/СВО, предметы ее культа в основном милитарны, то есть связаны с войной. Это разного рода знамена (в первую очередь красный флаг), военные памятники и мемориалы, города-герои и места сражений, песни военных лет, ну и официальные символы государства-победителя. Очень важен женский аспект культа, воплощенный, например, в обелиске «Родины-матери» на Мамаевом кургане и подобных ему. Символически национальный лидер-мессия состоит в браке с Россией, общей матерью всех ее граждан, которые как сыновья и дочери обязаны ее защищать от многочисленных врагов, постоянно стремящихся над ней надругаться. Через образ Родины-матери подчеркивается онтологичность связи гражданина со своим государством (а если оно авторитарно, то конкретно — с лидером), которую так же невозможно разорвать, как отменить участие матери в рождении ребенка.

Милитарная политическая религия не выживет в мирных условиях. Раз борьба добра со злом, Суши с Морем, кроманьонцев с неандертальцами (по Дугину), Запада с Востоком, света с тьмой сопровождает всю человеческую историю, эта глобальная война не закончится, по крайней мере, пока не наступит рай на земле. Военное время прочерчивает границы между «своим» и «чужим», между «истиной» и «ложью» гораздо четче и грубее, чем мирное, склонное к

многообразию и терпимости. И власть, подсевшая на иглу военной легитимации, едва ли сможет с нее слезть, поскольку нет в мире более мощного средства мобилизации и подавления, чем война трансцендентная, на которой народ-мессия борется прямо с сатаной и его воинством. Только в рамках этого мифа вопрос о власти становится по-настоящему сакральным, а призывы (тем более — действия), направленные на ее смену, — надругательством над святыней, актом богоборчества. Россия стала религией.

Этот материал вышел в десятом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в [онлайн-магазине](#) наших партнеров.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[В «Наказе» патриарха Бога буквально нет](#)

Глава РПЦ завизировал новое учение: ксенофобская идея «русской цивилизации» заменила христианство. Осталось присоединить как можно больше земель и «размножиться» до 600 миллионов

12:02, 29 марта 2024, Александр Солдатов

[Как выжигают «скверну»](#)

Государство наказывает за неправильное почитание монументов

10:51, 28 августа 2025, Вера Челищева, Сергей Соколов

Магический патриотизм: ритуалы и наказания

Духовность и дискредитация, акты колдовства и вера — зачем государству монументы и священные предметы. И зачем они людям

10:52, 28 августа 2025, Роман Шамолин